

*Эта книга посвящается Элизабет Кретти,
с благодарностью. Без ее неустанных усилий
она не была бы написана*

ПРОЛОГ

Королева ждала. Сидя у окна, смотрела, как в долгих сумерках разгораются городские огни. Солнце зашло уже несколько часов назад, а темнота еще не сгустилась. Настоящая тьма и не наступит, разве что спрячется кое-где в неосвещенных уголках. Фонари будут гореть всю ночь, люди станут ходить от одного празднества к другому и с наступлением нового дня вернуться, пошатываясь, домой. Празднуют они, с вином, музыкой и танцами, день, которого уж и не чаяли дожидаться. День королевской свадьбы. Королева сидела у окна, смотрела на огни, слушала музыку и ждала мужа.

В Аттолии в первую брачную ночь женщина сама приходит к мужу. А в Эддисе мужчина приходит к невесте. Они решили поступить по обычаям Эддиса. Тогда соотечественники ее мужа увидят, что супруга покоряется правилам его страны, но аттолийцы сочтут, что королева по-прежнему пренебрегает традициями своей родины. Это была осторожная игра смутных теней и полупамятков, но в основе ее лежало очень простое событие: два человека решили связать

свои судьбы. Сегодня она передавала власть над своей страной Эвгенидесу, а тот отказался от всех своих чаяний ради того, чтобы стать ее королем.

* * *

На широкой лужайке под окнами дворца стояли столы, горели фонари в цветных бумажных абажурах. Орнон, посол Эддиса, подавил зевок, а затем и улыбку, поразмыслив над тем, какое будущее ждет бывшего эддисского вора. Они с Эвгенидесом были давними соперниками, и мысленные картины того, как свободолюбивый вор не может вздохнуть, связанный по рукам и ногам бесчисленными придворными обязанностями, согревали послу сердце. Они приносили куда больше радости, чем любая мелкая месть, которую сумел бы измыслить сам Орнон. Королева Эддис, сидевшая поодаль, прочитала его мысли и наградила своего посла таким взглядом, что он невольно выпрямил спину, отхлебнул глоток вина и обратил свою улыбку к соседям по столу.

* * *

В это время на дворцовой стене нес караул молодой гвардеец. Он смотрел на город и видел примерно то же самое, что и королева Аттолии из своего окна. Ему пришлось пропустить праздник, однако пьянство и драки не сильно привлекали его, поэтому он ничего не имел против. Юноше нравилось стоять высоко над дворцом. В одиночестве, вдалеке от казарменного шума и гама, у него появлялось время подумать. Больше всего он любил нести караул на самом верху дворцовых стен. Опасности ниоткуда не ожидалось — в гавань не могли зайти корабли Сауниса, с гор на другой стороне долины не спустится вражеская армия. Самый опасный враг Аттолии в эту минуту находился во дворце и, пожалуй,

больше не мог считаться врагом. Костис мог бы с тем же успехом спокойно проспать эту ночь. Тем не менее, увидев подошедшего капитана, он вытянулся по стойке смирно.

— Костис, — сказал капитан, — тебе приходится пропустить пир.

— Вам тоже, господин.

— Я не против. — В голосе капитана не звучало никаких эмоций.

* * *

Той же ночью, когда официальные банкеты во дворце уже отгремели и шумное веселье откатилось вдаль по улицам города, секретарь архивов лениво перебирал бумаги у себя на столе. У него было немало причин опасаться нового короля. Недавно он побеседовал с королевой с глазу на глаз и предложил обсудить способы ограничить власть короля. Эвгенидес слишком молод, он неопытен, порывист и наивен. Когда влияние эддисских советников иссякнет — а это неизбежно случится, — его легко будет держать в узде. В ответ королева пронзила его взглядом, из которого Релиус сразу понял, что сильно превысил свои полномочия, и с извинениями удалился. Он предоставит королеве самой решать судьбу короля, однако не станет притворяться перед самим собой, будто ему совсем не страшно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Костис сидел у себя в комнате. На столе перед ним лежал листок бумаги, на котором полагалось написать рапорт о вверенном ему взводе. Он нацарапал первые несколько предложений, а дальше начал писать письмо отцу. Оно начиналось строчкой «Я должен объяснить свои поступки» и на этом обрывалось. Костис не мог объяснить свои поступки. Он потерял лицо и еще раз попытался облачить рвущие душу мысли в холодные слова и строгие фразы.

Он окинул взглядом комнату. Полный беспорядок. На полу валяется опрокинутый сундучок с одеждой. Стоявший поверх него поднос с пуговицами и прочей мелочевкой брошен на пол возле кровати. Его содержимое: запонки, запасные пуговицы, небольшая фигурка бога-покровителя — рассыпано по всей комнате. Исчезли книги. Их было три. Вероятно, кошелек с последними оставшимися монетами тоже не найдется. Напрасно он хранил деньги в комнате, лучше бы отдал своему другу Ариститону. Исчез и меч, висевший на стене. Его тоже надо было отдать Арису.

Двое солдат, которые привели, чуть ли не притащили его за локти с учебного плаца, забрали из комнаты все острое. Они были ветеранами и прослужили в гвардии почти всю жизнь. Обыскали его сундучок, скинули с узкой кровати тонкий матрас и одеяло. Один из них сорвал с Костиса меч и смахнул с подоконника нож, другой собрал все бумаги и смял их в кулаке. Не бросив на него больше ни единого взгляда, ушли. Костис перевернул табуретку, поставил на все три ножки. Оставили две застёжки для плаща — простую, повседневную, и нарядную, с янтарной головкой. Он немного удивился. Нарядная пряжка имела форму фибулы со стержнем в четыре дюйма в длину и толщиной с кукурузный стебель. Захоти Костис воспользоваться ею, она бы сработала не хуже меча. Сгодились бы даже меньшая из пряжек; два дюйма в нужном месте — и достаточно.

Пока Костис без особой цели размышлял над достоинствами пряжек, штора, прикрывавшая дверь, откинулась, и вернулся один из солдат. Торопливо расшвырял ногами вещи, раскиданные по полу, быстро отыскал пряжки. Схватил их, окинул взглядом пол — не завалились ли еще. Заметил ремешки на сандалиях и тоже забрал. Бросил взгляд на Костиса, презрительно покачал головой и ушел.

* * *

Костис снова опустил глаза на письмо. Это был чуть ли не единственный листок бумаги, который ему оставили. Не следует тратить его впустую. Однако он не знал, как объяснить свои поступки отцу, если он не может их объяснить даже самому себе. Он нарушил священную присягу, в одно мгновение загубил свою карьеру, жизнь, а может

быть, и семью. Он мысленно перебирал недавние события и сам не мог поверить, что картины, сохранившиеся в памяти, произошли на самом деле.

* * *

Миновал полдень. Он сидел над письмом с утра и до сих пор не написал ни строчки. Клонившееся к закату солнце заглянуло в узкое окно и наполнило тесную комнату светом. Потом опустилось за крышу казармы — и сразу наступили сумерки, лишь из узкого двора между корпусами пробивались отраженные лучи. Костис ждал королеву. Она впервые после свадьбы покинула дворец и поехала на охоту. В полдень она позавтракает в одном из охотничьих домиков и вернется ближе к вечеру.

Костис встал с табуретки и в сотый, в тысячный раз прошелся из угла в угол. Когда она вернется, ему вынесут приговор — скорее всего, смертный. Но хуже смерти будет, если она решит, что он замешан в каком-нибудь заговоре и что хоть один человек из его семьи заранее знал об этом поступке. В таком случае его родным придется покинуть уютную ферму неподалеку от Помеи в долине Геды. Всем до единого — не только отцу и сестре, но и дядьям, тетям, двоюродным братьям и сестрам. Их собственность будет передана в казну, и из землевладельцев они будут низвергнуты в класс охлоса. Если повезет, станут торговцами, если нет — нищими.

Конечно, даже он сам не мог предвидеть того, что случится. Ему и в голову не приходило, что он навлек на свою голову столько бед, но сейчас это не имело значения. Костис подумал о бумагах, которые у него отобрали, и стал вспоминать, есть ли в них хоть слово, которое можно трактовать как намек на измену. Секретарь архивов способен разглядеть измену где угодно. Малейший намек на заранее составленный план —

и вместо виселицы Костиса ждут пытки. Он прекрасно понимал: когда дело доходит до пыток, Истина, с самого начала никому особо не интересная, становится совсем не нужна.

* * *

Он подошел к окну и окинул взглядом казарму, скрытую в тени. Вскоре затрубят предвечерние горны, сменится караул. Ему положено быть на городской стене. За спиной звякнули кольца шторы, прикрывавшей дверь. Костис обернулся, чтобы встретить людей, которые отведут его во дворец.

Стражников не было. В дверях стоял король. Верховный правитель всех земель Аттолии, помазанный на царство жрецами и жрицами, признанный отец народа, повелитель баронов, которые один за другим присягнули ему на верность, беспорный и абсолютный властелин всей страны. Багровые опухшие губы соперничали цветом с изысканной пурпурной вышивкой на воротнике.

— Другие на твоем месте преклонили бы колена, — произнес король, и Костис, застывший как громом пораженный, запоздало рухнул. Следовало бы еще и опустить голову, но он не мог отвести глаз от королевского лица. И только ответный взгляд повелителя вывел его из забытья. Он наконец-то потупился.

Король шагнул к столу, и Костис уголком глаза разглядел у него в руке кувшин. Один палец продет сквозь ручку, другие — сжимают две чаши. Король поднял их к столу, поставил сначала кувшин. Легким взмахом подкинул одну из чаш в воздух и, пока она крутилась, осторожно опустил вторую на стол. Поймал первую на лету и аккуратно установил рядом. Двигался он небрежно, как будто такое жонглирование было у него в крови. Тем не менее к этому приходилось прибегать вынужденно, потому что рука у короля была всего одна.

От стыда Костис закрыл глаза. Все события этого дня, казавшиеся кошмарным наваждением, вдруг нахлынули с невыносимой отчетливостью, о которой красноречиво говорила отметина возле королевского рта. На ней ярко отпечатались каждая костяшка кулака Костиса.

Эвгенидес заговорил:

— Не далее как два месяца назад ты клялся всей своей жизнью защищать меня и мой трон. Разве не так?

Костис обмяк, словно тряпичная кукла:

— Так.

— Может быть, это некий неведомый мне аттолийский ритуал? Мне полагалось защищаться?

У него всего одна рука. Как он мог защититься от человека намного выше и тяжелее его, а главное — от человека без травм?

— Прошу вашего прощения.

Эти слова были данью вежливости. В такой ситуации они прозвучали неестественно даже для ушей самого Костиса, а король лишь коротко невесело рассмеялся:

— Мое прощение, Костис, не пустая любезность. Оно сейчас имеет очень большой вес. Королевское прощение спасло бы тебе жизнь.

Получить королевское прощение будет невозможно.

— Я всего лишь хотел сказать, что мне очень стыдно. — Костис тщетно пытался объяснить то, чему объяснения не было. — Я бы никогда, ни за что... Я... Я...

— Обычно не нападаешь на калек?

От стыда у Костиса перехватило горло. Он услышал, как в чашу наливают вино.

— Положи матрас обратно на койку, сядь и выпей.

Костис послушался. Руки и ноги словно одеревенели. Он взял чашу и осторожно опустился на край койки,

побаиваясь сидеть в присутствии короля. А сам король уже уселся на табуретку, привалился спиной к стене, вытянул и скрестил ноги. Костису пришло в голову, что он больше похож на подмастерье после кабацкой драки, чем на короля. Костис отпил глоток и удивленно заглянул в чашу. Вино было охлажденное. Сладкое и прозрачное, словно жидкий солнечный свет. Ничего лучше Костис в жизни не пробовал.

Губы короля медленно растянулись в улыбке.

— Это вино — королевская привилегия. Осторожнее, оно не разбавлено. Ты сегодня поел?

— Нет, ваше величество.

Король крикнул кому-то невидимому, и через мгновение в коридоре послышались шаги. Штора отдернулась. На пороге стоял Лаэкдомон, гвардеец из взвода Аристокитона. Арис был Костису другом. Вряд ли ему нравится стоять здесь на карауле со своим взводом. Король велел принести еды из солдатской столовой. Лаэкдомон кивнул с презрительным видом и удалился.

— Я бы охотно обошелся без этого преданного слуги, — тихо сказал король Костису. — Наверняка решит, что еда предназначена для меня, и принесет черствую буханку и маслины в банке.

Костис разделял его мнение о Лаэкдомоне. Этот гвардеец ему не нравился. Лаэкдомон был мрачноватым и надменным, и Костис радовался, что не служит с ним в одном взводе. Арис тоже его недолюбливал, однако чаще жаловался на другого своего подчиненного — Легаруса, наградив его прозвищем Писаный Красавец. Помимо миловидного личика, для неприязни была еще одна причина: Легарус происходил из семьи землевладельцев, а Аристокитон — нет. Но, какой бы знатной ни была его семья, Легарус никогда

не дослужится даже до взводного командира. И из-за этого во взводе Аристогитона часто возникали стычки.

Король прервал его блуждающие мысли:

— Скажи мне, Костис, почему люди упорно предлагают мне еду, с которой я не могу справиться, а потом изображают оскорбленную невинность, когда я напоминаю, что не могу сам ее нарезать? Или открыть банку? Или намазать мягкий сыр ножом?

Потому что ты выскочка, козлоногий варвар, который похитил королеву Аттолии и вынудил ее взять тебя в мужья, подумалось Костису. Потому что у тебя нет никакого права называться королем. Но вслух он лишь произнес:

— Не знаю, ваше величество.

Эвгенидес, видимо, прочитал его мысли и нашел их забавными. Он рассмеялся. Костис скрыл смущение за еще одним глотком вина. Оно несло прохладу и помогло растопить туго сжавшийся внутри комок отчаяния.

— Костис, откуда ты родом?

— Из Ортии, ваше величество. Из долины Геды, чуть выше Помеи.

— Большая у вас ферма?

— Не очень большая, но мы давно ею владеем.

— Дом Орментьедесов, верно?

— Да.

— Ты младший сын?

— Мой отец — младший сын в своей семье.

— И ты надеялся получить землю в награду за службу?

Костис потерял дар речи. Лишь кивнул.

— Костис!

Юноша поднял глаза.

— Если это не заранее спланированная измена, королева не станет отбирать землю.

Костис махнул рукой, не зная, как облечь свои мысли в слова. Убедить короля, что на самом деле преступление далеко не такое существенное, каким кажется.

— Я король, — мягко напомнил Эвгенидес.

Костис кивнул и отпил еще глоток. Если Эвгенидес и впрямь самовластный правитель Аттолии, то почему они оба сидят и ждут королеву? Возможно, король и на этот раз прочитал мысли Костиса, однако виду не подал. Лишь встал и наполнил бокал Костиса. Юноша вздрогнул, не зная, как себя вести, когда сам король ему прислуживает. Может быть, надо было остаться стоять, когда король велел сесть? Может, надо было самому налить себе королевского вина? Но, пока он терзался нерешительностью, король уже поставил кувшин на стол и уселся обратно на табуретку.

— Расскажи мне о ферме, — велел король.

Этот разговор казался таким же наваждением, что и все события сегодняшнего дня. Запинаясь, сам себе не веря, Костис нащупал опору в привычке к субординации и сделал как велено. Стал рассказывать об оливковых рощах и кукурузных полях, о доме, где жил с отцом и младшей сестрой. В паузах между словами прихлебывал вино, и король снова наполнил ему чашу. Жест получился не таким пугающим, как в первый раз. Костис вспоминал ферму, и слова приходили гораздо легче. Когда Костис был еще маленьким, отец поссорился с главой семьи — своим двоюродным братом, и им пришлось переехать из главной усадьбы.

— Твой отец проиграл в той ссоре?

Костис пожал плечами:

— Отец говорил: хуже проигрыша в семейной ссоре может быть только одно — выиграть в ней. Он сказал, что одна из наших плотин не выдержит весеннего паводка. Так оно и случилось. И нам пришлось уехать.

— Не очень-то справедливо.

Костис опять пожал плечами. Его это устраивало. Дом был маленький, предназначался для одного из управляющих фермы, зато свой собственный. Костис был рад оказаться подальше от бесчисленной родни.

Король понимающе кивнул:

— Я тоже со своей родней плохо уживался. Однажды они сунули меня головой в бочку с дождевой водой и держали там, пока я не повторил несколько гадостей о своей семье. Я бы не смог признаться в этом никому, кроме тебя. — Он отпил вина. — В последнее время мы с родичами стали ладить лучше. Может, рано или поздно это случится и с тобой. Когда станешь повзрослее.

Костис допил вино и задумался: это кем же надо быть, чтобы простить своей родне такую выходку. Он пожал плечами. Король говорил словно старик, дающий советы ребенку. Официальный отец народа, подумалось Костису, был моложе его самого, а ведь и сам Костис был очень молод для взводного. Да и вообще, вряд ли отношения с родичами успеют сложиться как-то иначе, ведь его, Костиса, к утру уже не будет в живых. Без сомнения, потому король и откровенничал без опаски.

Король еще раз наполнил Костису бокал.

А снова сев, сказал:

— Не сдавайся так легко, Костис. Расскажи, почему ты меня ударил.

Костис чуть не поперхнулся вином.

— Может быть, вспомним все по порядку? Ты со своим другом вошел в ворота, повторяя все оскорбления, какие, без сомнения, слышал от моего дражайшего лакея Седжануса. Он, как я понимаю, прошлой ночью пьянствовал где-то в городе со своими давними друзьями из гвардии. Аристокитон наверняка пропустил все веселье. Он стоял в карауле?